

Волынъ, г. 23, 1902 г.

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ.

Волынъ. I. № 23—1902.

Я очень благодаренъ г. Эйхенвальду за его отвѣтъ на мое письмо, но все же я чувствую себя имъ неудовлетвореннымъ, почему снова прибѣгаю къ любезности г. Эйхенвальда и прошу удѣлить мнѣ еще немного вниманія.

Г-нъ Эйхенвальдъ пишетъ: „Мною снятъ городской театр на условіяхъ имѣть продолженіе зимняго сезона двѣ труппы: драматическую и оперную. Это очень важно для данного случая, такъ какъ оперу можно поставить и опереточной труппой, а „Цыганскій баронъ“ притомъ (?) безусловно комическая опера“ (курсивъ и вопросительный знакъ—мой).

Прошу извиненія у г. Эйхенвальда, но я рѣшительно не понималъ, что онъ ~~хочетъ этимъ сказать~~.

Для меня же лично это „очень важно“, такъ какъ если бы дума, кромѣ оперы и драмы хотѣла имѣть еще въ Житомирѣ и оперетку, то г. Эйхенвальду пришлось-бы пригласить и опереточную труппу. Не такъ ли?

2) Что оперу можно ставить и опереточной труппой—это я слышалъ. Обыкновенно ставятъ „Аскольдову могилу“, пожалуй, „Гальку“... и да-лѣе не идутъ.

Ставя оперу, опереточная труппа, такъ мнѣ кажется, идетъ на встрѣчу болѣе развитому вкусу публики.

Но обыкновенно эти опыты производятъ комичное, а для любителя музыки и досадливое впечатлѣніе.

Чего же хочетъ достигнуть оперная труппа, ставя оперетки?

Итакъ, мы пришли съ г. Эйхенвальдомъ къ заключенію, что въ текущемъ сезонѣ, на житомирской городской сценѣ опереткѣ нѣтъ мѣста.

Цыганскій же баронъ, по утвержденію г. Эйхенвальда, можетъ идти, такъ какъ это безусловно—комическая опера.

Преклоняюсь передъ авторитетомъ г. Эйхенвальда... но виновнымъ себя въ ереси признать не могу, такъ какъ на ногахъ, находящихся у меня, изображено: „Operette in drei acten“.

Что „Цыганскій баронъ“ одна изъ лучшихъ опереттъ (или комическихъ оперъ), что въ этой „пьесѣ“ есть очень красивыя музыкальныя мѣста, я противъ этого не спорю и кромѣ указанныхъ г. Эйхенвальдомъ двухъ

мѣстъ, могу отмѣтить еще нѣсколько; тѣмъ не менѣе прошу г. Эйхенвальда согласиться и со мною, что въ этой „комической оперѣ“ есть чисто-опереточныя мотивы и съ ногъ сшибательныя сюжеты, не исключая и легкой двусмысленности. Однимъ словомъ—опереточный жанръ. (Кстати—нѣсколько словъ и по адресу редакціи. Въ субботнемъ номерѣ „Волынъ“, въ оповѣщеніи о бенефисѣ г. Муравскаго сказано, что „Цыганскій баронъ“ поидетъ въ этотъ разъ „безъ кукуръ“. беру на себя смѣлость утверждать, что кукуръ были).

Итакъ, повторю, зачѣмъ понадобилось ставить такую „комическую оперу“, да еще и въ воскресенье, когда театръ бываетъ полонъ молодежью?

Не обратитъ-ли г. Эйхенвальдъ вниманія на маленькую деталь. Почему никому изъ артистовъ или дирижеровъ труппы не пришло въ голову поставить въ свой бенефисъ „Цыганскаго барона“, а сдѣлалъ это г. Муравскій?

3) Мой почтенный оппонентъ дѣлаетъ мнѣ маленькое правоученіе; „субсидія назначается театру не для поощренія искусства, а для насажденія русской идеи“.

Если это такъ, то какую связь можетъ имѣть „Цыганскій баронъ“ съ русской идеей? Если театръ призванъ служить руской идѣ, то намъ нужна хорошая драма и хорошая опера, гдѣ бы занимали почетное мѣсто и русскіе авторы и композиторы.

Вообще—продолжаетъ г. Эйхенвальдъ—„онъ не думаетъ, чтобы вопросомъ о субсидіи слѣдовало-бы руководиться въ театральномъ дѣлѣ, особенно зрителямъ“. Прошу извиненія у г. Эйхенвальда, я держусь иного мнѣнія: кромѣ субсидій, антрепренеръ получаетъ отъ города даромъ театр и поэтому „я смѣю свое сужденіе имѣть“, къ антрепренеру могутъ быть предъявлены извѣстныя требованія.

Безъ этого, на свой рискъ, ничто не мѣшало-бы г. Эйхенвальду ставить оперетты, и фееріи, и все что придется ему по вкусу.

4) „Что оперъ много на свѣтѣ“ это знаетъ я и г. Эйхенвальдъ; но „что изъ этого слѣдуетъ?“—Этого Эйхенвальдъ не знаетъ. А мнѣ кажется ясно:

Зачѣмъ насъ угощать суррогатомъ, когда есть возможность дать намъ послушать настоящую оперу?

Г. Эйхенвальдъ взялся намъ поставлять духовную пищу извѣстнаго сорта, и я прошу только таковой. Есть красоты и въ „Цыганскомъ баронѣ“ какъ и въ вальсѣ Ланн-ра, я ихъ и не отрицаю. Все хорошо лишь на своемъ мѣстѣ. Но отъ серьезной драматической труппы я требую серьезныхъ пьесъ, а не „Даму отъ Максима“, отъ серьезной оперы я требую оперы, а не „Цыганскаго барона“ или „Фатиницы“. Я попрошу искренно отвѣтить г. Эйхенвальда, рѣшился ли бы онъ на подобный опытъ въ Кіевѣ, и зачѣмъ включенъ-ли „Цыганскій баронъ“ въ репертуаръ той оперной труппы, которая будетъ у него въ Одессѣ?

Мнѣ рассказывали, что „даже г.г. Фигнеръ“ пѣли въ опереткѣ. На это могу только возразить, что каждый баронъ имѣетъ свою фантазію и великіе люди дѣлаютъ шалости, но смѣю думать, что это не прибавило г.г. Фигнерамъ лавровъ.

5) Не могу согласиться также съ взглядомъ г. Эйхенвальда, что серьезный оперный пѣвецъ, кончившій консерваторію, уважающій себя и свое искусство, можетъ себя хорошо чувствовать въ роли „воспитателя свинокъ“ какъ и въ роли Фигоро. Можетъ быть это и не такъ, тогда правъ г. Эйхенвальдъ и я съ грустью долженъ буду сознаться, что мои взгляды дѣйствительно уже устарѣли. Я полагаю, что и то и то искусство, но между ними есть „дистанція огромнаго размѣра“.

6) Относительно того, что г. Эйхенвальдъ съ удовольствіемъ продержитъ комическую оперу въ хорошемъ исполненіи, не сомнѣваюсь. И не этотъ вопросъ я предлагаю.

Это была ошибка „корректуръ“. Я спрашивалъ, согласится-ли г. Эйхенвальдъ, дирижировать русской оперы, дирижировать оркестромъ для танцевъ? И я увѣренъ, что отвѣтъ долженъ быть отрицательный.

7) Относительно театральной дирекціи я своего мнѣнія назадъ не беру и повторю, что допустить исполненіе на оперной сценѣ оперетки было ошибкой; также какъ будетъ ошибкой, если мы когда-нибудь сдадимъ свой городской театръ подъ оперетку, (мнѣніе это конечно ни для кого не обязательно) хотя убѣжденъ, что гораздо обширнѣе контингентъ любителей „Зеленаго острова“, чѣмъ Миньоны; а еще больше людей предпочтутъ всему—циркъ.

Что касается меня, то я думаю, что наслажденія бываютъ различнаго сорта, болѣе высокія и болѣе грубыя. Способность испытывать высокое наслажденіе есть результатъ культуры, вѣжный цѣтокъ, который надо беречь. Отнимите отъ людей болѣе высокія наслажденія, и люди набросятся на болѣе низкія. А потому и будемъ беречь цѣтокъ, а то иначе мы скоро поставимъ выше Гуно-Зуиппе, а выше Островскаго—Мясничаго.

Примите и проч.

Н. Быковъ.